

— Т. Ю. СИДОРИНА —

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТРУДА

ЗАМЕТКИ СОЦИАЛЬНОГО ТЕОРЕТИКА

Татьяна Сидорина

**Цивилизация труда: заметки
социального теоретика**

«Алетейя»

УДК 331:1
ББК 65.24

Сидорина Т. Ю.

Цивилизация труда: заметки социального теоретика /
Т. Ю. Сидорина — «Алетейя»,

ISBN 978-5-90670-554-9

Цель книги - обратить внимание читателя на проблему труда, показать, как оценивался этот феномен в истории философской мысли, проследить эволюцию отношения к труду и самого понятия "труд". Каково современное восприятие труда, почему сосуществуют феномен "конца труда" в его классическом понимании и проблема трудоголизма? Социокультурная ситуация дает все основания предполагать, что присущее современному человечеству восприятие труда неизбежно перейдет в некую следующую стадию, очертания которой уже проступают как предвестники предстоящего постиндустриального общества.

УДК 331:1

ББК 65.24

ISBN 978-5-90670-554-9

© Сидорина Т. Ю.
© Алетейя

Содержание

Почему написана эта книга	6
Глава 1. Исходные позиции	9
Кризис труда как кризис культуры	10
Амбивалентное отношение к труду	12
Феномен конца труда в его классическом понимании	14
Труд в моей жизни: как я понимаю выражение «делать что-либо»	17
Глава 2. Труд в его классическом понимании	24
Этимология понятия «труд».	25
Труд и другие виды деятельности	26
Когда люди стали работать	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сидорина Т. Ю.

Цивилизация труда заметки социального теоретика

Моей дорогой мамочке, чудесной женицине, талантливой пианистке и большой труженице

Карта мира, на которой не найдется места для утопии, не стоит даже того, чтобы на нее смотрели. Это единственная страна, подходящая для человечества. А когда человечество обоснуется в ней, оно будет искать лучшего и, если найдет, опять отправится в путь. Прогресс – это реализация утопий.
Оскар Уайльд

Почему написана эта книга

Решение написать эту книгу пришло неожиданно. Труд и все с ним связанное всегда были вне сферы моих интересов. Между тем полагаю, замысел этой книги возник не случайно, поскольку ее написанию многое предшествовало.

Начать следует с обсуждавшегося среди философов и социологов феномена конца труда. И хотя в рамках дискуссий ставился вопрос о конце труда в его классическом понимании, а отнюдь не о перспективе исчезновения труда вообще, сама по себе постановка вопроса о конце труда, существовании без труда побуждала к далекоидущим размышлениям.

Для человека, сформировавшегося под влиянием социалистических идеологем, осознание какого бы то ни было конца труда – это необычайное потрясение. Еще большим это потрясение становится для человека, который никогда не любил работать, делал это «из-под палки», потому что «так положено», и наконец понял, что работать необязательно. Поэтому можно сказать, что в основе книги лежит негативная мотивация. Эта книга не о труде и не в его поддержку. Эта книга против труда. Причиной ее написания было желание рассказать о том, каким несчастьем и ужасом человеческой жизни является труд, о том, как человек не хочет и не любит работать.

В ходе проведенного мною исследования я обнаружила, что далеко не все мыслители прошлого восхваляли труд, человек не всегда был закован в трудовые доспехи: в прошлом значительная часть времени была посвящена праздникам и празднествам; люди могли и умели проводить время без труда и не зависели от него как от фактора, организующего и определяющего жизнь. Современное отношение к труду сформировалось всего лишь несколько веков назад, и мы вовсе не обязаны следовать этим сравнительно недавним установкам, словно из века сложившимися постулатам или обязательным условиям жизни.

Так стал вырисовываться замысел этой книги – написать о том, как возникло современное отношение к труду, является ли труд предназначением и смыслом человеческой жизни. Также меня занимали вопросы: что будет делать человек в обществе без труда, если в конце концов наступит время, когда большую часть работ смогут выполнять технические устройства?

Хотелось бы сразу отвести возможные предположения, что эта книга свидетельство о «пире во время чумы». За время, пока шла работа над книгой, я постоянно слышала контраргументы: 1) безработица остается одной из острейших проблем человечества, численность безработных продолжает расти (см., например: *Брюне А., Гишар Ж.-П.* Геополитика меркантилизма. М.: Новый хронограф, 2012); 2) сотни тысяч профессионалов, специалистов работают в условиях ненормированной рабочей недели, растет количество заболеваний вследствие переутомления на работе (см.: *Bunting M. Willing Slaves.* L.: Harper Collins Publishers, 2004); 3) труд все так же остается одним из важнейших условий существования человека, и совершенно очевидно, что, несмотря на появление практик гибкой занятости, фриланса и т. д., в ближайшей перспективе трудно предположить возможность повсеместного распространения бездействия. В большинстве своем современное человечество не представляет себе жизни без труда.

И тем не менее эта тема периодически возникает в научных дискуссиях, исследованиях, сочинениях философов и социологов. Так, подъем интереса к этой тематике отмечался во второй половине – конце XIX в., когда на Западе и в России целая плеяда авторов выступила со статьями против труда (см., например: П. Лафарг, Э. Золя, О. Уайльд, Л.Н. Толстой). В конце XX в. заметен новый всплеск интереса (см., например, работы З. Баумана, материалы научных дискуссий о конце феномена труда в его классическом понимании). На рубеже XX–XXI вв. также появляются интересные работы по данной теме (см., например: *Джохадзе И.* Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6; *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества.

М.: Akademia–Наука, 1998; *Ашкерев А.* Начала труда и конец производства // Отечественные записки. 2003. № 3).

Современная ситуация в сфере производства, управления и организации труда дает все основания говорить о существенных переменах в области приложения человеческих трудовых затрат.

Пафос нашей работы не только и не столько в уповании на жизнь без труда в условиях творческой самореализации и экологической безопасности (что было бы замечательно, но вряд ли возможно, и, весьма вероятно, не для всех и желательно), сколько в том, что человечество за последние несколько столетий неоспоримо уверилось в окончательности мирового устройства в той его части, которая касается схемы «трудиться, чтобы жить». Труд позволяет не только получать средства к существованию. Сегодня труд выполняет функцию костылей, инвалидной коляски (без которых, как выясняется, человек не умеет передвигаться), кислородной подушки (без которой он не может дышать). При этом далеко не всегда человек столь тяжело и изнурительно трудился, далеко не всегда считал труд обязательной составляющей жизни, и не просто считал, но и жил так.

Скорее всего, думать о том, как жить без трудовых затрат, могут в основном люди, имеющие возможность подобного существования. Но вряд ли мы вправе недоумевать по этому поводу. Возможно, освободившись от тенет порядка, навязываемого трудом как образом жизни, только и можно увидеть перспективу иной жизни (свободной и творческой), преодолеть зависимость от проложенной колеи, предшествовавшего развития (path dependence), постоянного переутомления в результате труда (overwork).

Поэтому прошу не думать, что автор не знает или не понимает, что происходит на свете. Просто хотелось бы, чтобы люди были свободны, счастливы, самостоятельны и могли раскрывать свои таланты и дарования во благо настоящей и будущей жизни.

Тема труда широко представлена в философских сочинениях, и это действительно не эпизодические размышления, а одно из направлений философских исследований – философия труда, которая наряду с философией техники обращена к рассмотрению актуальных вопросов современного общества, его настоящего и будущего. Я старалась как можно шире представить в книге спектр идей и концепций мыслителей Античности, Средних веков и Возрождения, Нового времени и Просвещения, новейшей истории, представить историю философии труда. В результате книга обрела хрестоматийный характер, ее можно сравнить с энциклопедией по философии труда, что, с одной стороны, в чем-то умаляет авторскую составляющую, но с другой – позволяет более детально познакомиться с историей идей в данной области. Безусловно, подбор концепций труда определен ракурсом рассмотрения и оценки трудовой деятельности. В большей мере здесь представлены работы, содержащие негативные оценки, нежели прославляющие труд.

Следует отметить, что эволюция отношения к труду рассматривается в книге прежде всего с историко-философских позиций и имеет европоцентристский характер. Безусловно, тематика труда присутствует в разных философских традициях, в том числе учениях мыслителей Востока. Однако данная книга, как и предыдущие работы автора – «Философия кризиса», «Два века социальной политики», «Государство всеобщего благосостояния», посвящены событиям западноевропейской истории, западноевропейской культуре и мысли.

Каким бы ни был характер или жанр данной книги, ее цель – обратить внимание читателя на проблему труда, показать, как оценивался этот феномен в истории философской мысли, проследить эволюцию как отношения к труду, так и понятия «труд».

Во время работы над книгой мною была проведена серия углубленных интервью. Они приобрели характер бесед (в силу взаимной заинтересованности проблемой труда (как автора, так и респондентов)), поэтому я решила представить их фрагменты в отдельном приложении.

В апреле 2008 г. на IX Международной конференции НИУ «ВШЭ» мною был прочитан доклад о феномене конца труда в его классическом понимании. Работа над этим докладом, реакция и интерес присутствовавших на заседании завершили формирование замысла книги о труде, отношении к труду, о его кризисе и конце.

Работа над этой книгой была непростой, но, безусловно, очень интересной. Я благодарна друзьям и коллегам, которые поддержали мой замысел: проф., д-ру ист. наук О.И. Шкаратану (НИУ «ВШЭ»); проф., д-ру экон. наук В.Н. Лексину (ИСА РАН); проф., д-ру филос. наук В.А. Ядову (ИС РАН), проф., д-ру филос. наук В.П. Филатову (РГГУ); проф. Ст. Уайту (Великобритания, университет г. Глазго), проф., д-р соц. наук Ю.Н. Толстой (НИУ «ВШЭ»), проф. И.Д. Тарбе (г. Сухуми, АГУ). В работе над книгой мне помогли беседы о труде со студентами факультета философии НИУ «ВШЭ». Также я благодарна всем, кто участвовал в интервью, которые я проводила в Абхазии, Великобритании, Литве, России и Франции.

Москва–Тракай–Глазго–Москва, 2008–2013 гг.

Глава 1. Исходные позиции

Приходится признать, что в современном мире изменяется традиционное отношение к труду. Это обусловлено многими процессами: кризисом европейской культуры, развитием науки и техники, кардинальными социальными и экономическими трансформациями. Отношение к труду далеко не всегда было однозначным. Мы обращаемся к рассмотрению труда в истории философской мысли и делаем попытку разобраться, какова роль труда в жизни современного человека.

Кризис труда как кризис культуры

XX столетие – это эпоха, которая началась кризисом Западной Европы и прошла под знаком кризиса, породив все многообразие переживаемых человечеством культурных, экономических, политических и прочих напряжений, создав кризисный социум, обострив до предела кризисное сознание, но так и не остановив кризисного марафона на рубеже нового тысячелетия.

Кризис труда входит в систему кризисов нововременной европейской культуры. Об этом пишет Х. Арендт, фиксируя предвестие конца труда в его классическом понимании при переходе от философии труда к философии жизни как главной выразительнице формирующегося (в том числе и кризисного) мировосприятия: «Поразительно, однако, что новоевропейская философия труда с ее приравниванием производительности и плодovitости в конце концов вылилась в различные виды философии жизни, основывающейся на том же отождествлении. Различие между этими двумя типичными для Нового времени философиями, старейшей философией труда и новейшей – жизни – состоит главным образом в том, что философия жизни упустила из поля зрения единственную деятельность, действительно необходимую для поддержания жизненного процесса. Причем само это упущение все еще отвечает фактическому историческому сдвигу, поскольку труд в самом деле стал менее тяжким, чем когда-либо прежде, и тем самым еще более приблизился к автоматическому функционированию жизненного процесса. Когда на стыке веков Ницше и Бергсон провозглашают “создательницей всех ценностей” жизнь, а уже не труд, то это превознесение чистой динамики жизненного процесса исключает даже тот минимум инициативы, какой все-таки еще содержится в диктуемых человеку необходимостью деятельности, каковы труд и деторождение»¹.

В свою очередь немецкий философ и социолог культуры К. Манхейм высказывает предположение, что кризис системы оценок в современном обществе обусловлен, помимо прочего, также и особенностями процесса труда, развитием техники и машинного производства. Стимулы к труду и награда за труд в доиндустриальную эпоху отличались от современных: «Наше общество еще не сравнялось с машиной. Мы успешно разработали новый тип эффективности “по Тейлору”, превращающий человека в часть механического процесса и приспособляющий его привычки к интересам машины. Однако нам пока не удалось создать такие человеческие условия и социальные отношения на предприятии, которые бы удовлетворяли ценностным ожиданиям современного человека и способствовали бы формированию его личности...

Машинный век не способен создать адекватные новые ценности, которые могли бы сформировать процесс труда и досуга и примирить между собой два различных набора противоположных идеалов, которые из-за своего антагонизма способствуют дезинтеграции человеческой личности»².

Труд и отношение к нему, сформированные столетиями индустриальной эпохи, все больше оказываются на стороне «утраченных ценностей».

Согласно К. Ясперсу, «в современном мире принятие труда всеобщее. Однако, как только труд стал выражением прямого достоинства человека, утверждением его человеческой сущности, появился и двойной аспект труда: с одной стороны, идеал трудящегося человека, с другой – картина реальной средней трудовой деятельности, в которой человек отчуждает себя самым характером и распорядком своего труда. Из этой двойственности возникает импульсивное стремление изменить мир людей, чтобы человек, создавая целостность своего мира, нашел

---

¹ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 149–150.

² Манхейм К. *Диагноз нашего времени. Очерки военного времени*. М.: Юрист, 1994. С. 55.

правильный вид своей трудовой деятельности. Ложный, отчуждающий от себя человека, эксплуатирующий его, насильственный труд необходимо преодолеть»³.

---

³ Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 135–136.

Амбивалентное отношение к труду

Исследователи отмечают характерное для философской мысли амбивалентное отношение к труду. «Думается, в истории философии, – пишет Н. Григорьева, – существовали две тенденции в истолковании категории труда: наряду с апологией труда в философии всегда имела место и его критика. Иногда полемизирующие друг с другом концепции, принадлежа к одной и той же философской традиции, были разнесены во времени (апология труда у Гегеля / критика трудаотчуждения у Маркса), иногда сталкивались между собой в открытой дискуссии. <...>

В конце XIX в. теории социальной философии, для которых понятие труда было немало-важной составляющей, разделились на два противоположных течения: так называемую “философию жизни” (с уклоном в идеализм) и социологический позитивизм»⁴.

Н. Григорьева прослеживает тенденции амбивалентного отношения к труду в философии рубежа XIX–XX вв. Так, Г. Зиммель называет труд единственным носителем ценности и постулирует его некую деятельность, в процессе которой субъект обретает единство, чуть не перевоплощаясь в производимый продукт, чтобы, впрочем, снова распасться, выходя из производственного процесса⁵. Э. Дюркгейм считает труд источником солидарности между людьми и полагает, что «функция государственного социального института, призванная обеспечивать признание трудящемуся, оказывается редуцированной вследствие кризиса государства»⁶.

Однако М. Вебер не склонен идеализировать труд ни в позитивистском, ни в идеалистическом вариантах. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) он указывает (в противоположность Дюркгейму), что труд как призвание и самоцель не свойственны человеческой природе. Для человека важен «вызов» («Beruf») со стороны божественной инстанции, представление о том, что высшие силы ставят ему задачу, в осуществлении которой он видит свое предназначение⁷.

В культурном пространстве 1930-х годов, согласно Григорьевой, две противоположные тенденции по отношению к труду сосуществуют у одних и тех же мыслителей. Например, такой апологет труда, как Э. Юнгер, изображая своего рабочего сверхчеловеческим существом, бытующим на границе между жизнью и смертью, представляет труд как чудовищное действо⁸. При этом труд в концепции Э. Юнгера становится центральной категорией мироздания и способствует замене гегелевской оппозиции «господин / раб» новой: «гражданин (бюргер) / рабочий»⁹.

Обращаясь к негативной антропологии, Григорьева отмечает, что, отрицая человека, эта наука рассматривает субъекта как процесс непрерывной автонегации. Так, на кризисе субъекта построена философия труда А. Гелена. В книге «Человек, его природа и положение в мире» (1940) он определяет человека как существо «действующее», живущее в будущем, а не в настоящем. Морфологическим признаком, отличающим человека от животного, является «нехватка» (der Mangel), которую он возмещает способностью к труду¹⁰. В книге «Конец труда» (1995) Дж. Рифкин изображает исчезновение труда как длительный процесс, начало которому положил Р. Декарт, представив тела человека и животного в виде нерассуждающей машины. В лекциях, посвященных философскому дискурсу модерна, Ю. Хабермас прослежи-

⁴ Григорьева Н. *Anima laborans: писатель и труд в России 1920– 1930-х гг.* СПб.: Алетейя, 2005. С. 11, 18.

⁵ Зиммель Г. *Избранное*: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. С. 467. Цит. по: Григорьева Н. Указ. соч. С. 18.

⁶ Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. М.: Канон, 1991. С. 239. Цит. по: Григорьева Н. Указ. соч. С. 18.

⁷ Вебер М. *Основные социологические понятия* // М. Вебер. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. (Цит. по: Григорьева Н. Указ. соч. С. 19).

⁸ Григорьева Н. Указ. соч. С. 12.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 22.

вает устаревание производственной парадигмы, начиная с Д. Лукача и Г. Маркузе. Об этом пишет Г. Маркус и другие авторы¹¹.

---

¹¹ Там же. С. 24.

Феномен конца труда в его классическом понимании

На протяжении столетий понятия «труд» и «процесс труда» претерпели существенные трансформации как по содержанию, так и по восприятию. Труд пережил периоды презрительного отношения, поклонения и восхищения, разочарования и, возможно, конца.

Провозвестник социальных катастроф О. Шпенглер писал о том, что «труд» делается великим словом в этических размышлениях: «В XVIII в. во всех языках он утрачивает презрительный оттенок. Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству людей. Культура возшла на такой уровень деятельности, что под нею трясется Земля»¹². Как мы увидим, отношение к труду утрачивает презрительный оттенок значительно ранее, однако, как заметил автор «Заката Европы», причина этой перемены – в изменении всех жизненных устоев европейской цивилизации.

В XX столетии ученые обнаруживают симптомы явления, которое можно определить как «конец труда» в его классическом понимании. Выявляя особенности современной трудовой деятельности по сравнению с прежними эпохами, Ж. Эллюль пишет: «Я не буду говорить о разнице между нынешними и прежними условиями труда, о том, что сегодня, с одной стороны, работа менее утомительна, а рабочий день – короче, но, с другой стороны, труд стал бесцельным, бесполезным, обезличенным, регламентированным, работники ощущают его абсурдность и испытывают к нему отвращение, их труд уже не имеет ничего общего с тем, что когда-то традиционно называлось работой»¹³.

Что побуждает исследователей говорить о возможности прекращения трудовой деятельности или ее кардинальной трансформации?

Казалось бы, труд – одно из основных условий существования и развития человеческого общества. И ничто не способно поколебать это устоявшееся представление. Однако особенности современной занятости свидетельствуют о серьезных изменениях характера и содержания процесса труда. Речь идет о массовом переходе к работе по несколько часов в неделю, по краткосрочным проектам и контрактам либо вообще без всяких оговоренных гарантий, лишь до очередного «уведомления»¹⁴.

Работник больше не предан рабочему месту, предприятию. На смену долгосрочной ментальности приходит краткосрочная. Корпоративная культура, столь долго провозглашавшаяся как путь к процветанию компании, утрачивает свои роль и значимость.

«Конец труда» в его классическом понимании во многом предопределен и глобализацией. Глобализуясь, мир становится общим, а это порождает новые противоречия, проблемы и перспективы¹⁵.

Предвестием социокультурного кризиса современного общества стало ощущение ограниченности мирового пространства. С осознанием ограниченности территории пришло ощущение ограниченности возможностей, перспектив. Это не могло восприниматься иначе, как посягательство на права Европы и европейцев. Однако XX век решительно освоил это общее мировое пространство, вернув бесконечность с идеей глобальности.

Открытость границ, экономики, культуры делает открытым и труд. Человек свободен менять профессии, места работы, должности, свободен выбирать образ жизни, выбирать между

---

¹² Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО Наука, 1993.

¹³ Ellul J. The Technological Society. N.Y.: Random House, 1964. P. 320. Цит. по: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Akademia-Наука, 1998. С. 213.

¹⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 28–29.

¹⁵ Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта-Наука, 2003.

умственным и физическим трудом, выбирать работать или не работать вообще, в какое время и в каком месте земного шара.

Особенность западноевропейской либеральной традиции – приоритет индивидуальности. Индивидуальность, а не общество, коллектив рассматривалась в качестве абсолюта. Вопрос о естественных правах человека и их защите прежде всего касался прав индивидуальности, ее права на жизнь, свободу и собственность. А если мир становится общим, что же будет с этими индивидуальными правами?

С одной стороны, в странах рыночной экономики право собственности все более и более упрочивает свои позиции, с другой – само понимание собственности и отношение к ней неизбежно меняются. Но что является собственностью в конце XX – начале XXI вв.? Банковский депозит, кредитная карточка? Люди меняют места работы, города, все более привычным становится съём жилья; дети, окончив школу, разлетаются из семьи. Все это индивидуальное, собственное и в то же время общее.

А труд? Что теперь значит он в этом общем, глобальном пространстве? Для чего человек работает? Чтобы существовать, реализовывать потребительские наклонности, развлекаться? Если ничто не постоянно, нет ничего, о чем нужно заботиться, что выращивать, ждать долгосрочного результата, все интересно только сегодня, сейчас, а завтра могут быть другой город, другая работа, другой брак, другая машина, тогда зачем вкладывать душу, отдавать всего себя делу, которым занимаешься только сейчас? Никто уже не создает «скрипки Страдивари». На смену индивидуальному рукотворному труду сначала пришло машинное производство, затем конвейер, а в перспективе – обезличенные автоматизированные производственные комплексы. Индивидуальность становится маргинальной – в науке, творчестве, политике, бизнесе – только в самом абсолютном варианте, в самой превосходной степени – огромные состояния, высшие политические посты, открытия нобелевских лауреатов и т. д.

Мы разучились разделять труд, работу, созидание, творчество. Мы перенесли понятие «труд» на нашу деятельность вообще. Мы все называем работой. Сегодня неудобно сказать, что ты занимаешься творческой деятельностью, создаешь, созидашь. Возможно, это особенность менталитета, сформированного в советском обществе, в котором на протяжении десятилетий поддерживался культ труда рабочего, а интеллигенции негласно был предпослан эпитет «гнилая».

Независимо от деклараций эпохи социализма мы ненавидим тяжелый труд, который «не представляет собой ни всю жизнь человека, ни самое существенное в ней. Капиталистический строй, при котором люди тупеют от труда, фордовско-сталинский строй, который, мистифицируя труд, отвращает от него человека и лишает его энтузиазма, представляют собою две формы искажения сущности труда»¹⁶.

Деятельность, которой занимаются люди в XX–XXI вв. (даже перестав быть исключительно физической), остается непомерно тяжелой, каждодневной, поденной, сопоставимой по усталости, сопровождающей ее, с трудом физическим.

Противоречивость труда в его классическом понимании проявляется уже в попытках дать исчерпывающее определение данного понятия. «Существует проблема с термином “труд”, – пишет Дж.К. Гэл-брейт. – Таковой применяется для обозначения двух совершенно различных, в сущности кардинально противоположных, форм человеческой активности. Труд может приносить удовольствие, чувство удовлетворения, самореализации; лишенный его, человек теряет почву под ногами, чувствуя себя выброшенным из общества, впадает в депрессию или уныние. Именно такого рода труд определяет социальное положение руководителя корпорации, финансиста, поэта, ученого, телекомментатора или журналиста. Но кроме них существуют и безымянные трудящиеся массы, обреченные на монотонный, изнуряющий и

---

¹⁶ Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 146.

унылый физический труд. Часто приходится слышать мнения о том, что хороший рабочий получает удовольствие от своего труда. Такие утверждения обычно исходят от тех, кто никогда в жизни не занимался тяжелым физическим трудом по экономической необходимости»¹⁷.

Труд теряет былую значимость. Все больше людей смотрят на труд как на тяжкую повседневность и были бы рады навсегда от нее избавиться. Особенно в условиях гнетущего обострения так называемых глобальных проблем, которые со времени обнаружения их Римским клубом так и остались не только нерешенными, но продолжают предвещать человечеству гибель от экологической катастрофы, истощения природных ресурсов, неизлечимых болезней, перенаселенности планеты и пр.

Вопрос о труде и его роли в жизни человека и общества близко подходит к вопросу о смысле жизни. Занимая большую часть активного времени современного человека, труд, если не становится смыслом жизни, то во многом его определяет. Вопрос в том, насколько это правомерно.

---

¹⁷ Galbraith J.K. *The Good Society: The Human Agenda*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1996. P. 90–91. Цит. по: Иноземцев В.Л. *За пределами экономического общества*. М.: Akademia-Наука, 1998. С. 209.

Труд в моей жизни: как я понимаю выражение «делать что-либо»

Детство, отрочество, юность

Сколько я себя помню, я ничего не хотела делать. Прежде всего это касалось домашних обязанностей, и именно с ними в мою жизнь вошло неприятие операции «делать», которое позже переросло в неприятие работы вообще.

На одном из обсуждений тематики этой книги в шутку было сказано: «трудиться или не трудиться?» – это как «быть или не быть?». Конечно, в каждой шутке есть доля истины, однако сопоставление этих двух вопросов свидетельствует о гипертрофированном представлении о значимости труда в жизни человека. И это представление – следствие экспансии индустриального труда, который до сих пор осознается нами в качестве некоего постулата, существующего и определяющего жизнь от века.

Отсутствие усидчивости: уроки игры на фортепиано

Моему нежеланию что-либо делать с детства сопутствовало отсутствие так называемой усидчивости. Наиболее явно и прежде всего это проявилось в занятиях музыкой. Вот уж действительно область деятельности, требующая подлинного трудолюбия. Существуют легенды о гениальных музыкантах, которые обходились без многочасовых ежедневных упражнений. Например, так описывают способности выдающегося советского пианиста Якова Флиера. Я не очень-то во все это верю, видимо потому, что это просто противоречит здравому смыслу. Очевидно и неоспоримо, что мастерство и профессионализм требуют временного вложения. Возможно, кто-то с легкостью осваивает иностранные языки, тонкости математических исчислений, но такие случаи скорее являются исключением из общего правила. Не случайно в языковых и математических спецшколах изучению этих дисциплин и выработке необходимых навыков посвящаются ежедневные многочасовые занятия. Что же касается музыки, то овладение техникой исполнительского мастерства – задача из труднейших. Профессии пианиста учатся с детства. Образование музыканта занимает 15–17 лет жизни.

Неусидчивостью страдают многие молодые музыкальные дарования. Редко какому ребенку выпало счастье сразу же втянуться в многочасовые изнурительные занятия, большинство не любит и не хочет заниматься, нуждается в постоянном контроле родителей. На одной из художественных выставок я видела картину, на которой изображен юный пианист, ноги которого стояли, как положено, у педалей пианино, а еще одна (воображаемая) убегала из-под пианино на улицу.

Усидчивость я понимаю вполне традиционно – как способность к долговременному деятельностному напряжению. И пример обучения игре на фортепиано демонстрирует, как *постепенно происходит трансформация нежелания делания чего-либо в желание и даже удовольствие*.

Но пока это не достигнуто, способность к долговременному деятельностному напряжению – это условие успеха. И этим не следует пренебрегать.

В иных случаях в подобной способности нет острой необходимости. Чтобы учиться в общеобразовательной школе, играть со сверстниками, осваивать компьютер, кататься на велосипеде, коньках, плавать, даже поступить в высшее учебное заведение обычно хватает средних способностей и не требуется какой-то особой усидчивости. Разумный вопрос: зачем вообще нужна усидчивость, если многое достижимо и без нее? Здесь любопытно обратиться к рассуждениям философа Джорджа Беркли о том, зачем, если все в мире – продукт деятельности духа,

нужны сложноорганизованные механизмы, например часы. Не проще ли было взять коробку со стрелками и наделить ее свойством показывать время? Зачем всемогущему Богу понадобилось создавать подобные сложные вещи, требующие скрупулезной работы человека (например того же часового мастера) по их изготовлению. В «Трактате о принципах человеческого знания» (1710) Беркли отвечает на подобные вопросы предполагаемых оппонентов.

...Спросят, для какой цели служит искусная организация растений и живой механизм частей тела животных; разве растения не могли бы расти и менять листья и цветы, а животные производить все свои движения столь же хорошо в отсутствии, как и в присутствии этого разнообразия внутренних частей, столь изящно устроенных и соединенных между собой, которые, будучи идеями, не содержат в себе никакой силы или деятельности и не находятся в необходимой связи с действиями, им приписываемыми? Если есть дух, непосредственно производящий всякое действие... актом своей воли, то мы вынуждены признать, что все, что есть изящного и художественного в произведениях как людей, так и природы, создано понапрасну. В соответствии с этим учением мастер, хотя он и сделал пружины, колеса и весь механизм часов и приспособил их так, чтобы, как он предполагал, они производили запланированные им движения, он тем не менее должен думать, что вся его работа ничему не служит и что есть некоторый ум, который передвигает стрелку и указывает час дня. Но если это так, то почему бы уму не делать этого без того, чтобы мастер тратил труд на изготовление и согласование механизма? <...> То же самое может быть сказано о часовом механизме природы, большая часть которого так чудесно изящна, что он едва распознается лучшим микроскопом...

Но если вдуматься в это затруднение, то окажется, что хотя устройство всех этих частей и органов не безусловно необходимо для произведения какого-нибудь действия, но оно необходимо для произведения вещей постоянным и правильным путем, согласно законам природы. Существуют известные общие законы для всей цепи естественных действий; они изучаются посредством наблюдения и исследования природы, и люди применяют их как к производству искусственных вещей на пользу и украшение жизни, так и к объяснению различных явлений, которое состоит только в указании соответствия какого-либо отдельного явления общим законам природы, или, что то же самое, в открытии единообразия в произведении естественных действий, как станет очевидным для каждого, кто обратит внимание на различные случаи, когда философы притязают на объяснение явлений. <...> И не менее ясно, что определенные величина, форма, движение и распределение частей необходимы если не безусловно для произведений некоторого действия, то для произведения его в соответствии с постоянными механическими законами природы. Так, например, невозможно отрицать, что Бог или тот ум, который охраняет и направляет общий ход вещей, мог бы, если бы вознамерился, совершить чудо, произвести все движения на циферблате часов без того, чтобы кто-либо сделал механизм и пустил его в ход; но если он хочет действовать согласно с законами механизма, им же с мудрыми целями установленными и соблюдаемыми в природе, то необходимо, чтобы те действия часовщика, коими он изготавливает и правильно приспособляет механизм, предшествовали возникновению указанных явлений, равно как чтобы каждое расстройство движений было связано с восприятием некоторого соответственного расстройства механизма,

по устранении которого (расстройства) все снова приходило бы в прежний порядок.

Но в некоторых случаях бывает необходимо, чтобы творец природы обнаружил свою верховную силу произведением какого-нибудь явления вне обычного правильного хода вещей. Подобные исключения из общих законов природы служат тому, чтобы поражать людей и внушать им уверенность в бытии Бога; но это средство должно употребляться нечасто, потому что в противном случае есть полное основание признать, что оно перестанет производить действие. *К тому же бог, по-видимому, находит лучшим избирать для убеждения нашего разума в своих свойствах произведения природы, обнаруживающие в своем строении столько гармонии и искусства и так ясно доказывающие мудрость и благость своего творца, чем возбуждать в людях веру в его бытие путем удивления чрезвычайным и поражающим событиями»* (курсив мой. – Т. С.)¹⁸.

В продолжение разговора об усидчивости мне хотелось бы обратиться к одному из суждений французского философа Алена (Эмиль-Огюст Шартье). В суждении «Капельмейстер» Ален как раз задается вопросом о смысле усидчивости, причем усидчивости ребенка, обучающегося игре на фортепиано. Каков смысл такого времяпрепровождения? К чему оно может привести?

«Девочка, которая хочет научиться играть на пианино, начинает с того, что сотни раз повторяет одни и те же движения под надзором учительницы, главная добродетель которой – строгость. Девочка творчески растет и достигает такого уровня, что сама может давать уроки музыки в своем квартале, где она время от времени за десять минут исполняет отрывок, который репетировала неделю. Иногда ей позволяют играть перед знаменитым мэтром; за целый месяц до этого страшного дня она перестает есть и спать, а только повторяет в уме и на клавиатуре ту же череду нот. Без такой подготовки она не сможет рассчитывать на положительную оценку знаменитого мэтра. После десяти лет такой суровой муштры она все еще в начинающих, но уже в зависимости от своих наклонностей, может выбрать консерваторию, чтобы стать звездой, музыкальное училище, где добиваются результатов поскромнее, или какую-либо другую школу в зависимости от того, к чему лежит душа и как далеко от дома предстоит ездить. Каждая поклоняется своим богам и пророкам, однако в жизни каждой был напряженный труд, монотонные упражнения, грозные экзамены. Если эта пианистка и не станет примой, то я смогу ей сказать, не рискуя ошибиться: “Ты умеешь хотеть”. Музыка формирует больше характеров и спасает больше жизней, чем даже мудрость.

Музыка отвлекает, музыка утешает, она одна всегда рядом. Если бы мы умели садиться за свои мысли, как садятся за пианино, то людские несчастья отступили бы.

Но где здесь клавиши? Где методика? За этим инструментом даже мастера ведут себя как варвары, которые вовсе не учились музыке, хотели бы полюбить ее, а играют одним пальцем “Светит месяц”. Думать упорядоченно, так, как это делают настоящие мастера, это, скажете вы, намного сложнее, чем заставлять говорить черные и белые клавиши. Сложнее? Не знаю. Я скажу вам об этом, когда мудрость станут преподавать профессионально, как игру на фортепиано; когда ученики станут трудиться; когда учитель станет исправлять их черновики... (Написано 25 июня 1921 г.)»¹⁹.

Средняя школа

---

¹⁸ Беркли Джс. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 198–200.

¹⁹ Ален. Капельмейстер // Ален. Суждения. М.: Республика, 2000. С. 159–160.

Надо сказать, что, несмотря на мое нежелание что-либо делать, в школе мне все-таки нравилось учиться. У меня это хорошо получалось. Я с удовольствием решала задачи по математике, занималась физикой и литературой.

Еще мне нравилась так называемая общественная работа. (К сожалению, приходится пользоваться словом «работа», хотя в данном случае речь идет вовсе не о работе.). В возрасте 13 лет я ощутила в себе присутствие организаторских способностей²⁰. Я охотно участвовала в различных школьных мероприятиях, мне было интересно, и я легко со всем справлялась. Это была скорее игра, а не работа, точнее, это совсем не было работой.

Итак, школьные годы прошли достаточно интересно и наполненно особым трудолюбием школа от меня не потребовала, учиться было легко, общественными делами заниматься интересно, школу я окончила с отличием и поступила на физический факультет Московского государственного университета.

Выбор профессии: пример родителей

Полагаю, что во многом выбор профессии также был предопределен моим нежеланием делать что-либо. Я никогда не хотела кем-то быть. У детей часто спрашивают: «Кем ты хочешь быть? Кем ты будешь, когда вырастешь?» Я не помню, задавали ли мне эти вопросы и что я на них отвечала. В младшем школьном возрасте мне почему-то нравилось воображать себя ученым-химиком. Представляя себя в лаборатории, я имитировала процесс научной деятельности, используя подручные домашние средства. Химические опыты увлекали меня недолго.

Последующее изучение химии в рамках школьной программы искоренило всякое желание заниматься этой дисциплиной. При этом не обнаружилось и особого желания заниматься какой-либо другой. Поэтому я не могла определить, какая наука или род деятельности представляют для меня особый интерес, какую профессию мне выбрать.

Единственное, что я знала твердо: нужно быть преподавателем. Мои родители были преподавателями, и я сумела оценить все плюсы этой профессии. Мысли о том, что можно вообще не работать и следовало бы искать пути такого устройства жизни, у меня не возникали согласно устойчивым стереотипам и настроениям советского общества второй половины XX в., воспринятым и воспроизводимым в нашей семье.

Плюсы профессии преподавателя состояли прежде всего в том, что эта работа не была каждодневной, в течение учебного года полагались каникулы, а летом вообще два месяца отпуска.

Конечно, я должна отметить, что существуют и другие плюсы в профессии преподавателя, которые я видела и положительно оценивала. Во-первых, преподаватель работает с молодежью. В молодежной среде, думала я, можно продолжать чувствовать себя молодой, несмотря на неизбежное течение времени. Во-вторых, мне нравилось уважение, с которым студенты и ученики относились к моим родителям, нравилось, что лекции отца хвалят студенты, мамы ученики участвуют в конкурсах, поступают в музыкальные училища и консерватории. Родители были довольны результатами своей работы, и при этом они были свободными людьми. Каждый из них по-разному использовал свободное время: отец постепенно увлекся научной работой, стал все больше просиживать за рабочим столом за написанием учебников, составлением словарей и пр. Мама же хотела, чтобы мы жили в достатке, и бралась за дополнительную работу.

---

²⁰ Я никогда не применяла к себе понятие «управлять», потому что понятия «менеджмент», «управление» вошли в обиход в нашей стране с началом рыночных преобразований, так же как «бизнес», «предпринимательство» и т. д. Когда я ощутила в себе склонность к управлению, это слово, скорее, воспринималось в контексте «господин-слуга».

Мои университеты

Физический факультет

Поступив на физический факультет университета, я поняла, что это не школа, и здесь нужна усидчивость. С первого прочтения или прослушивания математизированные предметы в голове не задерживались, и требовались старание и прилежание для их постижения. Возможно, не так уж и много этого старания было бы нужно, но я же *ничего не хотела делать*.

Довольно скоро я поняла, что в выборе факультета допустила ошибку. Один известный российский философ, отвечая на вопрос, почему он поступил учиться на философский факультет, пошутил: «По глупости»²¹. Полагаю, что философию он выбрал все-таки не по глупости, скорее эта реплика касается выбора факультета, если учитывать, каким был философский факультет МГУ в середине XX столетия. Вот я-то уж точно поступила на физический факультет по глупости. Я сразу же поняла, что учиться здесь неинтересно, что это совсем не та физика, которая мне нравилась в школе. Ежедневно проходил физический практикум. Каждый из практикумов предполагал выполнение некоторой лабораторной работы по определенному направлению физики и предварялся инструктажем сотрудницы какой-либо из факультетских кафедр. Почему-то никто из них никогда не провел инструктаж так, чтобы было понятно, как делать работу, вследствие чего почти никогда не удавалось выполнить ее удачно. Уверена, что многие, окончившие физфак, присоединятся к моему мнению.

Что касается студенческих лет, то у меня остались три приятных воспоминания: общественная работа, студенческий театр отделения радиофизики (ТОРФ), лаборатория кафедры акустики, где я писала дипломную работу.

Лаборатория мне запомнилась тем, что в ней было помещение высотой не менее 6 метров (два этажа). Ровно посередине этого помещения во всю его ширину была натянута прочная сетка, по которой можно было ходить. Это помещение было предназначено для изучения различных шумовых эффектов. При мне никто там никаких экспериментов не проводил, но мне нравилось заходить в эту огромную комнату и ходить по сетке, осознавая свою причастность к науке²². В каком-то смысле это напоминало мои детские «химические» эксперименты в «домашней лаборатории».

Относительно общественной работы могу сказать, что наличие организаторских способностей действительно доставляло мне удовольствие. Мне хотелось, чтобы группа, в которой я училась, была лучшей на курсе, чтобы кафедра, на которой я проходила специализацию, была лучшей на отделении. Я думала о том, что и как я могу сделать, чтобы это осуществилось. И делала, и это было легко и интересно, успех доставлял удовольствие, достижение целей удовлетворяло мои наклонности Стрельца.

В студенческий театр я попала, когда наш курс выехал на картошку. Группа студентов, обладавших творческой инициативой, быстро организовала студенческий театр, который готовил спектакль и был освобожден от ежедневного труда в поле. Театру понадобилась пианистка, и пригласили меня. Я совершенно не ожидала такого поворота судьбы, но это было замечательно.

Однако физические науки мне не нравились, и я полюбила философию. Полюбила на втором курсе, когда лекции стал читать профессор Лев Валентинович Воробьев. До этого я представляла философию достаточно смутно и мало что о ней знала, просто мне нравилось

---

²¹ Методология науки: исследовательские программы. М.: ИФРАН, 2007. С. 7.

²² Еще в этой лаборатории работал некогда знаменитый Лев Термен, создатель музыкального инструмента терменвокс. Термену было уже очень много лет, но он хотел быть при деле и каждый день приходил в лабораторию.

размышлять и думать, что я философствую. Но философия в изложении Воробьева показалась настолько интересной, что я стала ходить на все курсы, которые он читал на нашем факультете. Воробьев очень интересно рассказывал о жизни и идеях философов Античности, Нового времени и эпохи Просвещения; марксизма он не читал. После лекции Воробьев всегда оставлял несколько минут для ответов на вопросы. Именно его ответы на наши вопросы представлялись мне тогда наиболее важными. Среди прочего он рассказал нам, что, для того чтобы быть интересным другим людям, человек должен все время развиваться. Я это запомнила на всю жизнь.

Заметив мое постоянное присутствие на своих лекциях и семинарах, а также безусловную заинтересованность, Воробьев предложил мне поступать в аспирантуру по философии.

Философская аспирантура

Поступление в философскую аспирантуру открыло новую эпоху в моей жизни. Мне опять стало легко и интересно учиться, я на «отлично» сдала экзамен по истории западной философии комиссии, состоявшей из трех важных профессоров. Своим организаторским способностям я тоже нашла применение. У нас была очень хорошая группа аспирантов. Мы дружили, часто собирались в общежитии в главном корпусе МГУ.

Меня увлекла подготовка диссертации. Впервые я почувствовала вкус к научной работе. Я не могла оторваться от диссертации, засиживалась за полночь. Ставить вопросы, искать ответы, обоснования, писать текст – все это оказалось так интересно, что вовсе не воспринималось как работа. А на третьем году обучения я стала Ленинским стипендиатом.

Защита состоялась, прошла успешно. Впереди открывался намеченный путь преподавателя. О научной карьере я тогда не помышляла, поскольку этот путь был еще для меня неясен. Слишком уж быстро совершилось превращение физика в философа, я не была готова к таким многомерным превращениям одновременно.

Путь к профессии

Подготовка курса «Социология труда и занятости»

Откуда же все-таки возникло желание написать книгу об отношении людей к труду? Мысли о книге появились относительно недавно, хотя рефлексия по поводу нежелания работать дала о себе знать еще в 1998 г., когда мне предложили подготовить курс «Социология труда и занятости». Никакой радости это у меня не вызвало. Но отказаться от подготовки и чтения этого курса я не могла. Подготовить его я должна была за два летних отпускных месяца. Я собрала книги, которые мне удалось найти и приступила к работе²³.

Однако, едва приступив к ней, я увидела, насколько неинтересен мне этот предмет. И не просто неинтересен. Уже сами основополагающие для этого курса понятия отторгались моим сознанием, душой и сердцем. Я не хотела ничего знать ни про труд, ни про работу, ни тем более про условия труда, его орудия, нормы, организацию, мотивацию, трудовую мобильность, рынок труда, безработицу... Все эти понятия просто не воспринимались мной, вызывая духовную идиосинкразию. Понятийный аппарат социологии труда во многом был близок социальной философии (в эпоху СССР – исторический материализм). Этот предмет на физическом факультете преподавали крайне скучно, в аспирантуре он также не вызывал у меня интереса. Преодолевая огромное нежелание, неприятие, вызываемое тематикой, связанной с трудом, я все-таки подготовила лекции к началу учебного года.

---

²³ Я благодарна профессору социологического факультета МГУ В.В. Верховину, который снабдил меня необходимой литературой, в том числе университетским учебником по социологии труда. У меня также была программа курса, составленная О.И. Шкаратаном. В общем, было с чего начать и на что опереться.

Социальная политика и труд

Занятия социологией не прошли для меня даром. После социологии труда я занялась социальной политикой. Разработала курс, написала книги «Социальная политика» (учебник, написанный в 2004 г. в соавторстве с С.Н. Смирновым), «Два века социальной политики» (2005), «История и теория социальной политики» (2010), «Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису» (2013). В работе над курсом и этими книгами мне вновь пришлось обратиться к проблеме труда, поскольку сфера социальной политики непосредственно соприкасается с политикой занятости, политикой на рынке труда.

Один из разделов монографии «Два века социальной политики» (собственно раздел по истории социальной политики) включал материалы по мерам обеспечения занятости, привлечения и даже принуждения к труду в странах Западной Европы. Эти материалы вновь натолкнули меня на размышления об отторжении труда человеческой природой, о его нежелательности. По этим мотивам я написала небольшой очерк, который стал основой статьи, опубликованной в журнале «Общественные науки и современность», и позже – раздела в монографии «Феномен свободы в условиях глобализации» (2008), что подвело меня вплотную к замыслу данной книги.

Так в моей жизни сошлись два феномена – «труд как составляющая моей жизни» и «труд как объект исследований и размышлений». Книга, которая представлена на суд читателя, – это пример парадоксального сочетания несочетаемого: с одной стороны, труда как наказания и муки, с другой – труда как радости, творения, вдохновения и созидания. Книга о труде и против труда, книга о труде как величайшей загадке человеческой жизни.

Глава 2. Труд в его классическом понимании

Когда сформировалось и что собой представляет классическое понимание понятия «труд»? Всегда ли труд воспринимался и оценивался так же, как в индустриальную эпоху? Соответствует ли современный труд его классическому пониманию?

Этимология понятия «труд». Подходы к определению

Обратимся к определениям понятия «труд». В толковом словаре В. Даля труд определяется как «работа, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старания и заботы; всякое напряжение телесных или умственных сил; все, что утомляет»²⁴. В словаре русского языка С. Ожегова: «1) Труд – целесообразная и общественно полезная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения»²⁵. В Энциклопедическом социологическом словаре труд определяется как «целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей...»²⁶.

Эти формулировки соответствуют устоявшемуся, ставшему классическим пониманию труда, которое сформировалось в условиях становления и развития индустриального общества. Еще совсем недавно понимание труда как деятельности по производству общественно полезного продукта, необходимого для удовлетворения потребностей как отдельного человека, так и (что более важно) общества в целом, при этом деятельности напряженной, подконтрольной, требующей постоянных усилий, вызывающей отчуждение как самого труда, так и его продукта, не вызывало отторжения, не вступало в диссонанс с самоощущением человека и отношением к труду в целом.

---

²⁴ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1982. Т. 4. С. 436.

²⁵ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1970. С. 800.

²⁶ *Энциклопедический социологический словарь* / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 835.

Труд и другие виды деятельности

Подходы к рассмотрению труда

Карл Ясперс выделяет три ракурса рассмотрения и определения труда: «труд как затрата физических сил; труд как планомерная деятельность; труд как существенное свойство человека, отличающее его от животного; оно состоит в том, что человек создает свой мир»²⁷.

В трактовке Ясперса:

– *труд как затрата физических сил* – это напряжение мускулов, которое ведет к утомлению и изнеможению. «В этом смысле животное трудится так же, как человек. И, наоборот, труд необходим человеку, поскольку как представителю животного мира ему свойственны потребности, и *труд отвечает за их обеспечение*. В этом случае труд аналогичен добыванию пищи и поиска укрытия у животных. Человек как биологическое существо вынужден для удовлетворения базовых потребностей быть человеком добывающим. И именно этот тип человека остался в результате естественного отбора, тот, кто не хотел добывать – не выжил»²⁸;

– *труд как планомерная деятельность* – это деятельность с определенным намерением и с определенной целью. Напряжение сознательно направляется на то, чтобы обрести средство для удовлетворения потребностей. Этот труд уже отличает человека от животного.

Животное удовлетворяет свои потребности непосредственно в мире природы. Оно находит там все, что нужно для удовлетворения его потребностей, готовым. Человек же может удовлетворить свои потребности только через сознательное и заранее планируемое опосредствование. Это опосредствование происходит через труд.

Для трудовой деятельности недостаточно природной ловкости. Подлинное умение обретается знанием общих правил труда;

– *труд как основной аспект человеческого бытия*. Это способ преобразования мира природы в мир человека. В этом состоит решающее отличие человека от животного. «Человеческая среда в ее целостности всегда непреднамеренно созданный совместным трудом мир. Мир человека, совокупность условий, в которых он живет, вырастает из совместного труда; отсюда необходимость разделения труда и его организации»²⁹.

В свою очередь, исходя из анализа современной литературы о труде, Х. Арендт предлагает типологию трактовок труда:

- 1) труд есть средство для некой более возвышенной цели (такова большей частью позиция католических авторов);
- 2) труд есть «формирующий процесс – преобразование данной структуры в другую (высшую) структуру»;

---

²⁷ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 122.

²⁸ Там же. С. 124.

²⁹ Там же. С. 123.

3) труд в трудовом обществе есть чистое удовольствие или во всяком случае «может быть организован таким же радующим образом, как занятия свободного времени»³⁰;

4) труд считают деятельностью, позволяющей человеку покорить природу, стать ее господином и тем самым утвердить свое человеческое бытие (эта теория лежит в основе так называемого нового трудового гуманизма, прежде всего в его французской форме)³¹.

Труд среди видов деятельности

Ханна Арендт выделяет три основных вида человеческой деятельности – труд (работа), создание (изготовление) и действие (поступки): «Деятельность труда отвечает биологическому процессу человеческого тела, которое в своем спонтанном росте, обмене веществ и распаде питается природными вещами, извлеченными и приготовленными трудом, чтобы предоставить их в качестве жизненных necessities живому организму. Основное условие, которому подчинена деятельность труда, – это сама жизнь.

В создании дает о себе знать противоположное начало зависимого от природы существа, которое не способно встроиться в неизменную повторяемость родовой жизни и не находит в потенциальной неуничтожимости рода утешение для своей индивидуальной смертности. Создание продуцирует искусственный мир вещей, которые не просто примыкают к природным вещам, но отличаются от них тем, что до известной степени противостоят природе, а не просто перемалываются процессами жизни. В мире этих вещей жизнь человека у себя дома, жизнь природы на природе бездомна; и мир оказывается домом людей в той мере, в которой переживает человека, противостоит ему и объективно-предметно идет ему навстречу. Основное условие, которому подчиняется деятельность создания, – это принадлежность к миру, а именно зависимость человеческого существования от предметов и объектов.

Действие (поступок) – единственная деятельность в *vita activa*, развертывающаяся без посредничества материи, материалов и вещей, прямо между людьми. Основное отвечающее ему условие – это факт множественности, а именно то обстоятельство, что не один-единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют мир. <...> Поступок нуждается в такой множественности, когда все, хотя и одинаковы, а именно остаются людьми, но тем своеобразным способом и образом, что ни один из этих людей никогда не равен другому, какой когда-либо жил, живет и будет жить»³². Таким образом, каждый из названных видов соответствует одному из основных условий, на каких человеческому роду дана жизнь на Земле³³.

Далее Арендт обращается к принципиально важному для ее концепции противопоставлению труда (работы) и создания (изготовления). «Все европейские языки, живые и мертвые, – пишет она, – содержат тут два этимологически совершенно самостоятельных слова, и хотя словоупотребление всегда склоняется к тому, чтобы трактовать эти слова как синонимы, они все же продержались вплоть до нашего времени как раздельные»³⁴. Разделение здесь сводится к тому, что понятию труда приписывается значение тяжести, напряжения, муки, тогда как создание овеяно ореолом мастерства и творчества: «Во всех случаях только в словах для “работы, труда” явственно проступает побочное значение нужды и муки. В немецком первоначально только о крепостных, работавших в сельском хозяйстве, говорили, что они “arbeiten”; о ремес-

---

³⁰ Согласно Арендт, исследователи характеризуют таким образом труд в американском трудовом обществе.

³¹ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 163–164.

³² Там же. С. 15–16.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Там же. С. 105.

ленниках говорили, что они “werken”, “мастерить”. Французское “travailler” заменило более старое “labourer”, но в свою очередь происходит от глагола “tripalium”, особого рода пытки, стало быть имело некогда побочное значение пытки»³⁵.

Х. Арентс заключает, что локковское эпизодическое различие «создающих» рук и «трудящегося» тела соответствует греческому различению между мастеращим – руками и теми, кто «своим телом обслуживает жизненные нужды» (см.: *Аристотель*. Политика 1254b 25), рабами и домашними животными, работающими телом³⁶.

Что такое работа

Фридрих Юнгер заявляет, что работа – это историческое понятие и событие или, вернее, социальное понятие и событие, поскольку оно не относится к царству природы. Деятельность природы не может считаться работой в таком историческом смысле: «Мы можем сказать, что там, где все определяется законами природы, понятие работы не имеет места, так как рабочий характер совершаемых действий еще нельзя отделить от действующей в ходе этого процесса силы»³⁷. Упорядоченность природных процессов, предполагаемая видимая «неутомимость», «упорство» природы – это атрибуты или характеристики стихийного по сути процесса, в котором нет исторической необходимости, в котором отсутствует выбор и еще многое из того, что отличает исторический процесс от естественного. Поэтому все, что совершается в нашем организме автоматически, не воспринимается нами как работа. Работой мы обозначаем только ту деятельность, которая только осознается нами как работа³⁸.

Юнгер не сводит всю человеческую деятельность к работе. Так, игру, развлечение, отдых мы не называем работой, хотя их можно подчинить этому понятию. В то же время наша деятельность не ограничивается лишь сознательными действиями, но и бессознательную деятельность мы не называем работой.

В развитие этой мысли философ отмечает, что любая деятельность, производимая с сознанием свободы, утрачивает особенности работы: «...то, что я делаю с радостью, не воспринимается мною как работа. Свободный труд, заслуживающий этого эпитета, характеризуется радостью его исполнения. В нем отсутствует сознание принужденности, нужды и необходимости, свойственное работе, которая выполняется несвободно. Такой свободный труд не существует в неограниченном количестве, так как его нельзя умножить принудительным образом. Только увеличивая принуждение, я могу увеличить количество работы... Рабочее поле допускает беспредельное расширение. Этим объясняется также возрастание роли принудительного труда и организационных форм принудительного труда, которые крепнут по мере разрастания машинной техники и связей между процессами машинного труда. Чем плотнее становится эта сеть, тем легче заранее рассчитать, какие функции неминуемо ожидают человека: он и впрямь не может их миновать, так как они сами его захватывают. И тут открывается мир механического труда, в котором существуют рабочие, т. е. люди, занятые выполнением механических функций, которые можно назвать функциями механической работы»³⁹.

Тем самым Юнгер разделяет труд свободный и принудительный. Принудительный труд философ отождествляет с работой. Но, говоря о свободном труде, приносящем радость, он не дает его определения и, скорее всего, использует здесь понятие труда под влиянием сло-

---

³⁵ Там же. С. 104

³⁶ Там же. С. 163–164

³⁷ Юнгер Ф. Машина и собственность // Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 468.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 468–469.

жившегося порядка, для чего более уместным было бы использовать понятие деятельности, поскольку в дальнейшем его оценки труда исключительно негативны.

Юнгер пишет, что труд в трактовке экономистов представляет собой такой вид человеческой деятельности, который направлен на производство ценностей. Но это определение не выдерживает критики, поскольку человек может не только создавать, но и разрушать созданные ранее ценности, и это также будет считаться работой, причем не менее интенсивной и объемной по времени, чем созидательный труд. Качества, обычно сопровождающие упоминание трудовой деятельности – усердие или прилежание – сами по себе не представляют добродетели или похвального качества, поскольку усердной, например, может быть и глупость (заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет). Труд вообще, подводит итог философ, не относится к числу достоинств, а вынужденный труд и подавно.

Труд и творчество

Эммануэль Мунье писал, что «труд – это особенный вид деятельности, естественный, но тяжелый, направленный на создание полезного – материального или нематериального предмета. <...> Необходимо отличать *труд* от *деятельности* вообще, и особенно от *творчества*, которое, собственно, является наивысшей духовной формой деятельности. Деятельность – это самоосуществление человека и непрерывное строительство им собственной жизни (включая и его так называемую внутреннюю, или созерцательную, жизнь). Если она свободна и взвешенна, она доставляет удовольствие»⁴⁰.

Таким образом, труд не представляет собой ни всю жизнь человека, ни самое существенное в ней. Выше труда стоит жизнь души, жизнь разума и жизнь любви.

Оппозиция игры и труда в искусстве и философии

Обращаясь к вопросу амбивалентного отношения к труду в истории мысли, и в частности в негативной антропологии, исследователи отмечают, что в экономике, социологии и философии труд как всеобъясняющая категория вытесняется противоположными понятиями – «игра», «лень», «консьюмеризм».

Согласно Н. Григорьевой, оппозиция игры и труда имеет довольно сложную историю, которую можно отсчитывать от «Писем об эстетическом воспитании человека» Фридриха Шиллера (1795), в которых переход от дикаря к человеку характеризуется интересом к украшениям и играм⁴¹. Сотворив из обезьяны человека, игра не заканчивает на этом свою моделирующую работу: эстетическое побуждение выводит творческую натуру за рамки государства, помогая ей создать автономное «веселое царство игры и видимости»⁴², где с человека снимаются все оковы, и в том числе узы труда.

Точку зрения Шиллера развил Ханс-Георг Гадамер в лекциях «Искусство как игра, символ и праздник» (1974). Гадамер открыл автореферентную сущность игры: игра – это движение ради движения, так сказать, феномен трансцендирования, самопредставления бытия живого.

В теории Йохана Хейзинги («Homo Ludens», 1938) игра вообще не имеет оппозиции, являясь «абсолютно независимым» понятием⁴³. Споря с Энгельсом, считавшим труд активностью, сформировавшей человека, Хейзинга как бы возвращается к Шиллеру и обнаруживает

---

⁴⁰ Мунье Э. Заметки о труде // Э. Мунье. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 146.

⁴¹ Григорьева Н. *Anima laborans*: писатель и труд в России 1920–1930-х гг. СПб.: Алетейя, 2005. С. 12.

⁴² Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании. Собр. соч.: в 7 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 6. С. 384. Цит. по: Григорьева Н. Указ. соч. С. 12.

⁴³ Huizinga J. *Homo Ludens*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980. P. 6. Цит. по: Григорьева Н. Указ. соч. С. 13.

источник человеческой культуры в игре, определяя ее следующим образом: «Игра – это свободная активность или занятие, производимое в фиксированных пространственно-временных рамках, согласно правилам, принятым по желанию, но ненарушимым, имеющая цель в себе самой и сопровождающаяся ощущениями расслабления, радости и сознания того, что происходящее “отличается” от “обыденной жизни”»⁴⁴.

Французский философ Роже Кайуа в книге «Игры и люди» («Les jeux et les homme», 1967) выделяет четыре вида игры – *agon*, *alea*, *mimicry*, *ilinx*, указывая при этом на экономическое своеобразие этих практик: в ходе игры собственность подлежит обмену, но никаких товаров не производится. Так игра обособляется от творческого процесса (и производства), на «выходе» которого появляется некое художественное произведение. Игра является чистой «тратой» – расходом времени, энергии или денег⁴⁵.

Попытка определить игру как «неполную» разновидность производства, т. е. «через труд», характерна для мыслителей, сформировавшихся в эпоху тоталитаризма. В своих поздних работах Жорж Батай рассматривает игру как практику, наследующую принципы труда, который первоначально и сделал человека человеком.

Н. Григорьева задается вопросом, насколько важен феномен игры для понимания труда. Ее позиция сводится к следующему: «Многие понятия, на которых зиждется категория труда, не выводимы из категории игры: например, оппозиция данного и качественно нового, нерелевантная для игровой практики, где важна лишь рекомбинация сходных обстоятельств»⁴⁶.

Вопрос о соотношении труда и игры поднимает Льюис Мамфорд. В подтверждение тезиса о том, что заслугу формирования человеческого разума нельзя ограничивать изготовлением и использованием орудий труда, он также ссылается на исследование Й. Хейзинги: «Не так много лет назад голландский историк Й. Хейзинга в книге “Homo Ludens” собрал массу доказательств того, что основным элементом формирования человеческой культуры служит не столько работа, сколько игра, а самая что ни на есть серьезная деятельность человека относится к сфере подражания. Как признает сам автор, ритуал и мимесис, спорт, игры и драматические представления избавили человека от настойчиво проявлявшихся в нем животных привычек, – и я бы добавил, что наилучшие тому доказательства можно обнаружить в таких первобытных церемониях, в которых он исполнял роль животного иного вида. Задолго до того, как человек обрел способности к преобразованию окружающей среды, он создал среду в миниатюре, символическую игровую площадку, на которой все жизненные функции получили возможность переоформления в строго человеческом стиле, как бывает в игре»⁴⁷.

Мамфорд отмечает, что тезис, касающийся «*homo ludens*’а», оказался настолько невероятным, что переводчик книги намеренно исказил недвусмысленную фразу Хейзинги о том, что культура является одной из форм игры, заменив ее более поверхностной и общепринятой дефиницией игры как элемента культуры. Мамфорд объясняет это тем, что идея того, что человек является не столько «*homo sapiens*’ом» или «*homo ludens*’ом», сколько, и прежде всего, «*homo faber*’ом», практически полностью овладела современными мыслителями Запада. «Археологи XIX в., – пишет Мамфорд, – до такой степени были уверены в первостепенном значении для “борьбы за существование” каменных орудий труда и оружия, что, когда в 1879 г. в Испании была впервые найдена пещерная живопись эпохи палеолита, “компетентные авторитеты” ничтоже сумняшеся изобличили ее как возмутительную мистификацию на том осно-

⁴⁴ Op. cit. P. 28.

⁴⁵ Caillois R. Man, Play and Games. N. Y.: Free Press of Glencoe, 1961. P. 5. Цит. по: Григорьева Н. Указ. соч. С. 12–13.

⁴⁶ Григорьева Н. Указ. соч. С. 13.

⁴⁷ Мамфорд Л. Миф машины. Пролог. М.: Логос, 2001. С. 15.

вании, что для создания элегантных шедевров Альтамиры охотникам каменного века не доставало ни досуга, ни разума»⁴⁸.

В предисловии к своей книге Й. Хейзинга пишет: «Когда мы, люди, оказались далеко не столь мыслящими, каковыми век более радостный счел нас в своем почитании Разума, для наименования нашего вида рядом с *homo sapiens* поставили *homo faber*, человек-делатель. Однако термин этот был еще менее подходящим, чем первый, ибо понятие “faber” может быть отнесено также и к некоторым животным. Что можно сказать о делании, можно сказать и об игре: многие из животных играют. Все же, мне кажется, *homo ludens*, человек играющий, указывает на столь же важную функцию, что и делание, и поэтому наряду с *homo faber* вполне заслуживает права на существование»⁴⁹.

---

⁴⁸ Там же. С. 16.

⁴⁹ Хейзинга Й. *Номо Ludens*. Человек играющий. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. С. 19.

Когда люди стали работать

Исследователей волнует вопрос, как меняется ситуация с работой и ее восприятием в современном мире. «XX век принес моду восхвалять мир труда и провозглашать славу труду. Человек труда стал декларируемым, мифологизируемым героем мира социализма, царства рабочих и крестьян»⁵⁰. Эти слова принадлежат Ф. Юнгеру, посвятившему сочинения вопросам технического развития, особенностям современного трудового процесса.

Юнгер оценивает современность весьма критически – с иронией он замечает, что в этом мире могут воспеваться «биржи труда, военизированные трудовые лагеря и трудовые достижения». Добавим, что Юнгер предпочитает придерживаться «старого доброго значения этого слова “труд”, смысл которого скромнее, так как подразумевает нужду и тяжелую работу»⁵¹.

В современном мире работа предстает как явление планетарного масштаба, как процесс, осуществляемый всем человечеством. В этой связи напрашивается желание принять работу за критерий человеческой оценки, что, кстати, уже и делалось не раз в истории XX в. и не раз выявляло абсурдность подобной попытки и бессмысленность происходящего в этой области. «Централизованный функционализм организации труда достиг той степени развития, когда его черты наложили отчетливый отпечаток на человека, – пишет Юнгер. – Здесь представлены все разновидности ущербного специалиста: специалисты-ученые, специалисты-техники, специалисты-рабочие...

Человек должен целиком раствориться в рабочем процессе. Избыточная сила, которую он может потратить сам на себя, оказывается тут совершенно нежелательной, в конечном счете, она только мешает его работе, которая, становясь все более механической, требует от человека определенных механических добродетелей. Необходимо перекраивать человека соответственно рабочим функциям... В него (человека. – Т. С.) вкладывается ровно столько средств, сколько необходимо для возможности его использовать согласно заведенному порядку, замена использованного работника происходит к концу жизни, когда от него не остается ничего, кроме пустого места»⁵².

Отечественный исследователь Игорь Джохадзе отмечает, что «одной из мифологем развитого индустриального и постиндустриального обществ является глубоко укоренившееся в сознании людей представление о труде как специфически целерациональной деятельности, объединяющей всех “здоровых” и “полноценных” членов социума, “создающей продукт” и с необходимостью обуславливающей существование человека в мире. Труд политически санкционируется, экономически поощряется, юридически и этически легитимизируется. Вне его жизнь человека не мыслится как “нормальная” и социально приемлемая. При этом под трудом понимают, главным образом, регламентированную профессиональную деятельность, связанную с производством и потреблением. Вменяемой человеку в обязанность трудовой деятельности противопоставляется все непосредственно к ней не относящееся, считающееся второстепенным, случайным, производным, в первую очередь – досуг. *Целерациональный труд оправдывает жизнь человека и наделяет ее смыслом* (курсив мой. – Т. С.)»⁵³.

Такой подход к пониманию труда выражает распространенную трактовку этого социального феномена. Но всегда ли бывало именно такое его восприятие? Насколько крепка эта цепка: человек– труд?

⁵⁰ Юнгер Ф. Машина и собственность // Ф. Юнгер. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 469.

⁵¹ Там же. С. 470.

⁵² Там же. С. 471.

⁵³ Джохадзе И. Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6.

Существуют исследования, прямо или косвенно доказывающие несостоятельность этого (ставшего фундаментальным) основания нашего мировосприятия. Многие исследователи (Л. Мамфорд, М. Салинз, Й. Хейзинга, Б. Малиновский, А.Я. Гуревич и др.) стремятся подчеркнуть, что трудовая деятельность не всегда была неоспоримым атрибутом человеческого общения.

Труд создал человека?

Распространенная концепция Ф. Энгельса внушает нам, что основной причиной превращения обезьяны в человека был труд. При всей ее популярности в течение XX столетия эта позиция неоднократно подвергалась критике. Так, Р. Хейлбронер писал, что «*в первобытном обществе отсутствует труд (work)*», поясняя: «Каков смысл утверждения о том, что первобытный человек не занимается никаким трудом? Имеется в виду, что усилия, направленные на физическое выживание общины, никак организационно или по своей значимости не отличаются от других видов деятельности, также жизненно необходимых для его поддержания, таких как воспитание детей, участие в принятии различных общественных решений, обеспечение культурной преемственности и т. д. В этом конгломерате те или иные действия, которые мы бы назвали трудом (work), не имеют отличительных признаков, выделяющих их в особую категорию»⁵⁴.

«Можно ли с уверенностью утверждать, что человека создал труд?» – задается вопросом Л. Мамфорд.

Во вступительной части своей книги «Миф машины. Техника и развитие человечества» (1967) он обозначает побудительные мотивы ее написания: «В этой книге я поставил цель оспорить как допущения, так и прогнозы, на которых основана наша приверженность современным формам научно-технического прогресса, рассматриваемого в качестве самоцели. Я приведу материал, бросающий тень сомнения на расхожие теории основ человеческой природы, где переоценивается роль в развитии человека, какую некогда играли орудия труда, а теперь играют машины»⁵⁵. По Мамфорду, не только марксисты заблуждались, отводя материальным орудиям производства центральное место и направляющую функцию в развитии человека. Концепция Тейяра де Шардена также наделяет человеческую историю узким технологическим рационализмом нашей эпохи, а также проецирует в будущее некое конечное состояние, когда все возможности человеческого развития будут доведены до конца: «В этой “точке Омега” от самостоятельной и самобытной природы человека не останется ничего, кроме организованного разума, представляющего собой универсальный и всемогущий пласт абстрактного ума без любви и жизни»⁵⁶.

Отметив чрезмерную преданность технике в качестве основной точки формирования современного мировосприятия, Мамфорд обращается к вопросам труда и его орудий.

«Как раз потому, что потребность человека в орудиях труда столь очевидна, – пишет исследователь, – мы должны остерегаться преувеличения роли, которую каменные орудия играли за сотни тысяч лет до того, как они стали функционально дифференцированными и эффективными»⁵⁷.

Считая изготовление орудий труда причиной выживания человека, биологи и антропологи долго недооценивали или упускали из виду массу разновидностей деятельности, в которой

---

⁵⁴ Heilbroner R.L. Behind the Veil of Economics. Essays in Worldly Philosophy. N.Y.–L.: W. W. Norton, 1988. P. 81, 82. Цит. по: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Akademia-Наука, 1998. С. 213.

⁵⁵ Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. С. 9.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

многие другие биологические виды в течение продолжительного времени проявляли большую сноровку, нежели человек⁵⁸.

При этом, по Мамфорду, в изготовлении орудий труда не было ничего исключительно человеческого, до тех пор пока оно не модифицировалось языковыми символами, эстетическими замыслами и знанием, передаваемым социальным путем. Вот тогда-то человеческий мозг, а не просто рука вызвал глубочайшие изменения.

В обоснование того, насколько широко распространилось представление о роли труда в формировании человека, Мамфорд ссылается на исследование Томаса Карлейля, который более века назад описывал человека как «животное, пользующееся орудиями труда», как будто это была единственная черта, возвысившая его над остальными «неразвитыми созданиями». Однако не следует забывать таких мыслителей, как, например, Платон, который приписывал заслугу продвижения человека за пределы первобытного состояния изобретателям музыки Марсию и Орфею в той же мере, что и похитителю огня Прометею или Гефесту, богу-кузнецу, единственному ремесленнику в олимпийском пантеоне.

Мамфорд заключает, что преувеличение роли орудий труда, оружия, приборов и машин сделало неясным путь развития человека.

И все же описание человека как животного, изготавливающего орудия труда, укоренилось столь сильно, что лишь находка фрагментов черепов небольших приматов по соседству с отколотыми булыжниками, указывающая на африканских австралопитеков, позволила поместить это существо на прямую линию человеческой родословной, несмотря на отчетливые физические расхождения, отличающие его как от человекообразных обезьян, так и от людей более поздних эпох⁵⁹.

Однако способность к изготовлению убогих каменных инструментов не может представлять достаточного доказательства врожденного превосходства человека над его биологическими собратьями. По мнению Мамфорда, если человек действительно изготавливал орудия труда, то уже изначально он обладал основным и многоцелевым инструментом, имевшим большее значение, нежели любая более поздняя их совокупность, – собственным телом, а также мозгом, способным охватывать более обширную, чем у других животных, среду, и соединять все разнородные части его опыта.

---

⁵⁸ «Даже описывая одни лишь материальные компоненты техники, эта практика не замечает в равной степени жизненно важную роль контейнеров и вместилищ, к которым относятся примитивные очаги, волчьи ямы, западни и веревки, а впоследствии – корзины, закрома, хлевы и дома, не говоря уже о гораздо более поздних коллективных вместилищах типа водохранилищ, каналов и городов. Эти статические компоненты имеют важное значение для всякой технологии, и не самое малое в наше время, с его трансформаторами высокого напряжения, гигантскими химическими ретортами и атомными реакторами. Многие насекомые, птицы и млекопитающие с их сложнейшими гнездами и жилищами, геометрическими ульями, градообразными муравейниками и термитниками, хижинами бобров осуществили гораздо более радикальные изобретения в изготовлении контейнеров и вместилищ, нежели изобретения, удавшиеся предкам человека в изготовлении орудий труда до возникновения homo sapiens» (Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. С. 9–10).

⁵⁹ В развитие своей мысли Мамфорд пишет: «Если у австралопитеков не было и в помине других человеческих свойств, то использование ими орудий труда доказывает лишь то, что по меньшей мере, один биологический вид за пределами настоящего рода homo может похвастаться этой чертой, подобно тому как попугаи и сороки разделяют чисто человеческое владение речью, а птицы-шалашницы – достижения в красочном декорировании жилищ. Но ни одной черты – и даже изготовления орудий труда – для идентификации человека недостаточно. Специфически и исключительно человеческой является способность человека сочетать обширное разнообразие предрасположенностей, присущих животным, в нарождающейся культурной сущности, в человеческой личности. Если точная функциональная эквивалентность изготовления орудий труда изготовлению предметов утвари была установлена исследователями ранее, то, пожалуй, должно быть ясно, что в обтесанных рукой человека изделиях из камня не было ничего особенного вплоть до сравнительно позднего этапа его развития. Ведь даже дальний родственник человека, горилла, сооружает жилища из листьев, для того чтобы было удобно спать, и строит из крупных стеблей папоротника мостики через мелкие ручьи, по-видимому, с тем чтобы не замочить и не оцарапать ноги. А вот пятилетние дети, умеющие говорить, читать и производить умозаключения, проявляют не так уж много способностей к использованию орудий труда и еще меньше – к их изготовлению, следовательно, если бы в счет шло одно лишь изготовление инструментов, таких детей еще невозможно было бы идентифицировать как людей» (Мамфорд Л. Указ. соч. С. 12).

Благодаря чрезвычайно развитому и непрерывно функционирующему мозгу человек мог распоряжаться бóльшим количеством умственной энергии, чем ему требовалось для выживания на биологическом уровне, и, соответственно, у него возникала необходимость направлять излишки такой энергии не просто на добывание пищи и половое размножение, но и на такие режимы жизни, которые преобразуют эту энергию в соответствующие культурные, т. е. символические, формы более непосредственно и конструктивно. Только ориентируя собственную энергию на культуру, человек был способен контролировать и полностью утилизировать присущую ему природу.

Культурная «работа» с необходимостью получала приоритет по отношению к ручной. Для новых видов деятельности требовалось значительно больше, чем просто дисциплина рук, мускулов и глаз, которая необходима при изготовлении орудий труда и пользовании ими, хотя такая деятельность также оказывала человеку неоценимую помощь. Кроме того, новые типы работы требовали контроля над всеми естественными функциями человека, в том числе над органами выделения, бурными эмоциями, беспорядочной половой жизнью, кошмарными или сладострастными сновидениями.

В результате настойчивого исследования человеком собственных органических способностей его нос, глаза, уши, язык, губы и половые органы обрели новые роли. «Даже кисть руки, – пишет Мамфорд, – стала теперь не просто мозолистым и узкоспециализированным орудием труда: она могла гладить тело возлюбленной или возлюбленного, держать младенца поближе к груди, совершать осмысленные жесты или выражать в коллективном ритуале и упорядоченном танце какое-то не поддающееся иному выражению ощущение жизни или смерти, хранящееся в памяти прошлого или тревожного будущего»⁶⁰.

Мамфорд утверждает, что рассматривать человека как в первую очередь животное, пользующееся орудиями труда, означает не замечать основных глав человеческой истории. В качестве противопоставления этому он отстаивает тезис, согласно которому человек прежде всего является животным, творящим собственный разум, обуздывающим себя и самопрограммирующим. И первичным очагом всех видов его деятельности можно считать его собственный организм и социальную организацию, в которой этот организм обретает более полное выражение. Пока человек не сделал что-либо из самого себя, он немного мог сделать в окружавшем его мире. Специфически человеческим достижением, обособившим человека даже от его ближайших родичей-антропоидов, явилось формирование нового «я», вследствие чего человек стал зримо отличаться от своих примитивных животных предков внешне и поведением. По мере того как расширялась эта дифференциация и возрастало количество определенно человеческих «опознавательных знаков», человек ускорил собственную эволюцию, за относительно короткий промежуток времени достигнув кардинальных изменений⁶¹.

Впредь основным занятием человека станет его самопреобразование, осуществляющееся регион за регионом, культура за культурой. Это самопреобразование не просто спасло человека от непрерывного застоя на изначальном, животном, уровне, но и освободило его наиболее развитый орган – мозг – для иных задач, нежели те, что обеспечивали его физическое выживание. Доминирующей человеческой чертой, центральной по отношению ко всем остальным, и является способность к осознанному и целенаправленному самоотождествлению, самопреобразованию и к самопониманию.

---

⁶⁰ Там же. С. 16.

⁶¹ Там же. С. 18.

Труд и экономика простого выживания

Является ли труд обязательным условием благополучной жизни? В современном мире работа выполняет роль организующего каркаса, вокруг которого выстраивается образ жизни индивида. Всегда ли именно труд выполнял подобные регулятивные функции? Как показывают исследования, люди хорошо себя чувствовали в отсутствие труда как модератора, своеобразного метронома, отмеряющего основные жизненные фазы – подъем, еда, работа, отдых, сон.

В известной работе Маршалла Салинза «Экономика каменного века» (1972), посвященной жизни кочевых охотников и собирателей-аборигенов, рассматривается общество изобилия и возможные пути к нему. Как показывает исследователь, вопрос этот достаточно сложный, и существуют диаметрально противоположные подходы к его рассмотрению. В первую очередь следует определиться, что понимается под обществом изобилия. Очевидно, существуют различия в трактовке данного понятия в разных культурных традициях.

Салинз рассматривает два пути к изобилию: «Потребности можно “легко удовлетворять”, либо много производя, либо немного желая. Распространенные концепции в духе Гелбрейта склонны к утверждениям, особенно подходящим для рыночных экономик: потребности человека велики, если не сказать беспредельны, в то время как средства их удовлетворения ограничены, хотя и поддаются усовершенствованию, поэтому разрыв между средствами и целями может быть сокращен повышением продуктивности по крайней мере настолько, чтобы “насушенные товары” имелись в изобилии».

Но существует и иной путь к изобилию – путь, указываемый дзен-буддизмом. В основе его лежат предпосылки, весьма отличные от наших: материальные потребности человека ограничены и немногочисленны, и технические средства для их удовлетворения не изменяются, но в целом они вполне достаточны. Приняв стратегию дзен-буддизма, люди могут наслаждаться не имеющим аналогов изобилием при низком уровне жизни»⁶².

Салинз убежден, что второй путь вполне подходит для описания образа жизни охотников и собирателей-аборигенов. Свободные от рыночной одержимости дефицитом экономические «пристрастия» охотников более последовательно ориентированы на изобилие, чем пристрастия жителей индустриальных районов планеты.

Как правило, охотников и собирателей считают бедными, потому что у них ничего нет; возможно, правильнее было бы считать их свободным потому, что у них ничего нет: «Крайняя ограниченность имущества освобождает их от всех забот, за исключением самых насущных, и позволяет наслаждаться жизнью»⁶³.

Еще некоторое время назад жизнь бушменов или австралийских аборигенов было принято рассматривать в качестве «классической иллюстрации народов, у которых экономические ресурсы крайне скудны» и которые живут в столь ненадежных местах, что «только самые интенсивные усилия могут сделать выживание возможным»⁶⁴. Салинз настаивает на пересмотре этого «классического» понимания. Убедительным доводом может служить то, что охотники и собиратели работают меньше жителей цивилизованных областей планеты и добыча пропитания является у них не постоянным изнурительным занятием, а задачей, возникающей лишь периодически; времени на досуг у них сколько угодно, а количество «дневного сна на душу населения в год» куда больше, чем в любом другом обществе⁶⁵.

---

⁶² Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 2000. С. 19–20.

⁶³ Там же. С. 30.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

Свое рассуждение Салинз основывает на материалах, собранных во время американо-австралийской научной экспедицией в Арнемленде в 1948 г. и опубликованных в 1960 г. Ключевым Салинз называет исследование Маккарти и Макарттура (McCarthy and McArthur, 1960), которое посвящено распределению времени, затрачиваемого на охоту и собирательство, и дополнено проделанным Макарттуром анализом питательной ценности добываемых продуктов⁶⁶.

Салинз перечисляет наиболее показательные выводы этих исследователей.

Первое, и наиболее очевидное, заключение состоит в том, что труд аборигенов неизнурителен. Время, затрачиваемое человеком на добывание и приготовление пищи, в среднем составляло четыре-пять часов в день.

Второе: они работают не непрерывно. Проблема добывания пищи не стоит перед ними постоянно; временами они добывают достаточно, чтобы снабдить себя впрок, благодаря чему у них остается масса времени, которое они могут проводить, ничего не делая.

Что касается иных предметов жизнеобеспечения, то при охоте и собирательстве их запас пополняется нерегулярно, соответственно, и распорядок работы оказывается неустойчивым.

В-третьих, «создается впечатление, что эти австралийские аборигены скорее недоиспользуют свои объективно существующие экономические возможности, чем исчерпывают трудовые усилия и имеющиеся в их распоряжении ресурсы до предела возможного»⁶⁷.

Количество пищи, собираемой за день, во всех случаях могло бы быть значительно бóльшим. Хотя поиск еды был для женщин работой, которая продолжалась без конца день за днем, отдыхали они довольно часто, не проводя все дневное время в поисках и приготовлении пищи. Действия, совершаемые мужчинами по добыванию пищи, были менее регулярными, и, если в один день им доставалась хорошая добыча, они зачастую отдыхали весь следующий день. Возможно, неосознанно они сопоставляют преимущества большого запаса пищи с усилиями, необходимыми для ее добывания, и, возможно, они сами решают, какое количество считать достаточным, и останавливаются, когда добывают его⁶⁸.

---

⁶⁶ Там же. С. 31.

⁶⁷ Там же. С. 32.

⁶⁸ См.: Там же. С. 34.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.